

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
--------------------	---

Часть I. Истоки анархического бунта

Глава 1. Традиция бунтов и самосудов	74
Глава 2. Запрограммированное насилие	120

Часть II. От советского криминала к партизанскому

Глава 3. Криминал и власть в системе советской государственности	134
Глава 4. Кризисы красной и белой властей	188
Глава 5. Криминальные лидеры во главе партизанской стихии	259
Глава 6. Разбой как способ существования	297
Глава 7. Партизанские междоусобицы	335
Глава 8. Партизанские суды и трибуналы	378
Глава 9. Дезинформация, провокации и террор как способы мобилизации и подавления	397
Глава 10. Враг и союзник: партизаны и хунхузы	416

Часть III. Сумма девиаций и классовый террор

Глава 11. Повстанцы и алкоголь	426
Глава 12. Сексуальное насилие	437
Глава 13. Террор и вандализм	452
Глава 14. Уничтожение пленных	484
Глава 15. «Казнить через сжигание...»: расправы с духовенством и интеллигенцией	524
Глава 16. Партизаны против аборигенного населения	553
Глава 17. Роговские погромы в Кузбассе	574
Глава 18. Тряпицынская резня в Сахалинской области	598

Часть IV. Власть партизанская

Глава 19. Горе побежденным: партизанская месть	646
Глава 20. Кнут и пряник: приручение партизан	691
Глава 21. «...Я привык к трупам»: красный бандитизм	736

Заключение	815
----------------------	-----

Указатель имен	822
--------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Колоссальная драма России XX столетия — Гражданская война — по сей день привлекает самое пристальное внимание исследователей и публицистов. В последнюю четверть века на смену «старой и привычной для советской историографии классовой трактовке содержания Гражданской войны в России... пришло осознание ее глобального и тотального характера, раскрытие ее как комплекса взаимосвязанных и переплетающихся войн, противоборства не только на линиях, но и за линиями фронтов»¹. В современной западной историографии сложилось мнение, что на территории бывшей Российской империи произошел целый ряд революций и войн, включавших политические, национальные, социальные и другие основополагающие аспекты, которые по-разному комбинировались в разных национальных областях и регионах².

В начале текущего столетия П. Холквистом и Дж. Санборном была предложена концепция европейского военно-революционного кризиса 1914–1921 годов, выдержанная в русле исторической компаративистики. Авторы вписывают русскую революцию и ее опыт в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феноменов массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма³.

¹ *Голдин В.* Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы, исследования // Родина. 2008. № 3. С. 3–4.

² *Smele J.* The «Russian» Civil Wars 1916–1926. London, 2016; *Колоницкий Б.И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

³ *Поршнева О.С.* Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны на Урале // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Сб. докладов Международного colloквиума в Санкт-Петербурге, 10–13 июня 2019 года. СПб., 2019.

Можно согласиться с П. Холквистом (как это делает О. С. Поршнева¹), когда тот констатирует, что политические и социальные практики, выработанные имперским государством в ситуации тотальной войны, конструировали общее наследие для всех движений периода Гражданской войны и Россия в этом отношении не отличалась от Европы². Однако здесь совершенно особое значение имеют последствия: Россия под властным воздействием большевиков вступила на путь самоистребления, от которого удержались европейские страны, сохранившие и элиту, и собственников, и привычный правовой уклад жизни. Именно наследие патриархального общества — наследие, которое господствовало над подавляющим большинством населения России, обусловило катастрофичность военно-политических конфликтов эпохи нашей Гражданской войны.

Ярким феноменом этой войны были масштабные и повсеместные действия иррегулярных частей — красных, белых, а также «зеленых», постепенно превращавшихся в регулярные части Красной армии, а частично и Белой либо сохранявших свою самостоятельность. Партизанщина (этот термин мы используем без кавычек) в качестве анархичного повстанческого движения, отрицающего верховное командование над собой, довела над отрядами Красной гвардии и РККА, над многими частями белых войск, что повышает важность ее исследования.

Автор, долгое время изучающий различные аспекты государственного террора большевиков, в настоящей книге сосредоточился на малоизученной истории стихийного красного террора. Он не ставил своей целью написать новую историю партизанского движения, особенно с точки зрения хода боевых действий, поскольку считает необходимым дать исследователям этого внешне хорошо изученного феномена материал, который можно посчитать односторонним, но без которого невозможна объективная оценка действий антиправительственных повстанцев.

С. 294; *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921.* Cambridge, Mass.; London, 2002; *Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925.* Dekalb, 2003.

¹ *Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны.* С. 294.

² *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis.* P. 238.

В связи с этим в книге поставлена задача по-новому охарактеризовать важные, но недостаточно отмеченные в историографии элементы краснопартизанского движения, в котором всевозможные социальные девиации и широкий террор сыграли совершенно особую роль, включая и тот период (1920–1922 годы), когда партизаны активно, по их лексике, «работали» уже после свержения белых.

Разрушительный аспект партизанской стихии нам представляется основным в феномене красной партизанщины, демографический ущерб от которой до сих пор даже не оценен. Характерно, что ведущий специалист по демографии Сибири и в новейшей работе отказывается даже от приблизительных оценок, заявляя, что без статистики (которой нет) невозможно оценить вклад крестьянских мятежей, белого и революционного террора в повышение смертности населения¹. По мнению некоторых современных историков, «исследование девиантного поведения людей революционной эпохи — занятие не для слабонервных. Но отказать от рассмотрения жутких сторон революции — значит в конечном счете отказать от познания вообще»².

На примере охваченного широким повстанческим движением востока России — от Казахстана до Приморья — в этой книге рассматривается негативная сторона деятельности красногвардейцев, подпольщиков и партизан. Особое внимание заострено на проблеме девиантного поведения партизан, основанного на архаичных моделях общинных взаимоотношений, где значительную роль традиционно играли практики насилия. Партизанский террор был следствием не столько обычной военной разнузданности, сколько политики стихийных социальных чисток, необходимость которых — хотя бы на уровне родного села — осознавалась большинством активных повстанцев и где сочетались мотивы личные и классовые. Автором применен историко-антропологический подход на основе внимания

---

¹ Исупов В. А. Население Сибири в условиях гражданской войны (1918–1922 гг.) // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: Сб. статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24–25 ноября 2017 года. Сургут, 2017. С. 198.

² Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 — сер. 1980-х гг.: Научные исследования / Под ред. В. М. Кириллова [Б. м.], 2022. Ч. 1. С. 53.

к этнографическим, национальным и религиозным особенностям сибирского и дальневосточного населения.

Также много внимания в исследовании обращено на широкую криминализацию как советских властей Сибири и Дальнего Востока (причем на всех уровнях, не исключая и самого верхнего), так и красного повстанчества. С одной стороны, шло проникновение «обычных» уголовных элементов во власть, а с другой — идеологическая нетерпимость, карьеризм и желание отомстить приводили к криминализации многих идейных революционеров, становившихся в своих поступках неотличимыми от представителей уголовного дна. Это специфическое обстоятельство, имевшее самые тяжелые последствия для населения, до сих пор игнорируется носителями упрощенных взглядов на события Гражданской войны, что закреплено прежней историографической традицией. То, что составило предлагаемую книгу, давно носится в воздухе, но никогда не было подробно оформлено, не было доказано на максимально большом фактическом материале.

Сущность партизанщины Э. Хобсбаум оценивал как социальный бандитизм, ставший типичной реакцией сельской массы на капитализм в эпоху, которая заканчивается к середине XX века уходом от традиционного общества. Социальный бандитизм может охватывать целые страны, но в итоге он обречен, ведь успешный бандит-революционер видит целью превращение себя просто в зажиточного собственника. В итоге повстанцы оказываются лишь активистами из крестьянской массы, а не идеологами и пророками новых социально-политических проектов¹. Поэтому социальные бандиты обречены подстраиваться под тех, кто перехватывает их лозунги и навязывает свое видение будущего.

История партизанского движения периода Гражданской войны насчитывает огромное количество публикаций, основная часть которых появилась в коммунистические времена и демонстрировала доказательства осознанной борьбы многочисленных красных партизан за советскую власть. Масса трудов подробно описывала боевой путь партизанских соединений, решающую

---

¹ Хобсбаум Э. Бандиты. М., 2020. С. 11.

роль партии в их руководстве и политическом просвещении, убедительные победы над белыми войсками и интервентами, последующее вливание сознательных партизанских масс в ряды Красной армии, активное участие в защите Советской Республики и социалистическом строительстве¹. Им приписывались всенародное сочувствие и огромные военные успехи: вплоть до утверждений, что именно партизаны освободили Сибирь от белых, хотя их достижения целиком зависели от развала колчаковского тыла, обусловленного наступлением частей РККА.

Партизаны провозглашались наиболее передовой частью крестьянства, поднявшейся против антинародной белой власти и беззаветно воевавшей ради победы красных, причем их боевая роль сильно преувеличивалась; последнее было характерно и для оценки эффективности советских партизан в 1941–1944 годах. Теневые стороны партизанщины, неизбежные для хаотически действовавших разношерстных отрядов, притом в обстановке острого социального (нередко и национального) противостояния, всегда описывались строго дозированно либо замалчивались. Основная часть мемуаров советской эпохи, особенно позднесоветских, подлаживалась под официальную точку зрения, помогая печатать и пропагандировать идеологически выверенные исследования, публицистические и художественные произведения, где красные партизаны представляли былинными героями².

Наличие многочисленных фальсифицированных источников и необъективных исследований, появившихся под идеологическим прессингом, заставляет историков особое внимание обращать на мемуаристику и научно-документальные работы

¹ См. на материале Сибири: *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Дубина И. Д.* Партизанское движение в Восточной Сибири (1918–1920). Иркутск, 1967; *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972; *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981 — и др.

² Вместе с тем некоторые труды могли приоткрывать трагедии прошлого. Так, в книге о П. П. Петрове были помещены обширные цитаты из его тюремных писем конца 30-х годов (см.: *Трушкин В.* Сибирский партизан и писатель П. П. Петров. Иркутск, 1965. С. 245–248).

1920-х — начала 1930-х годов, — хоть и тенденциозные, но создававшиеся по свежим следам и в значительной степени свободные от схематичной однолинейности следующих эпох. В связи с этим ряд оценок описываемых событий со стороны современников, много десятилетий казавшихся властям и исследователям идеологически неприемлемыми, сегодня заслуживают внимательного и уважительного отношения. Например, эсер Е. Е. Колосов темные стороны партизанщины обоснованно рассматривал как проявления «первобытных свойств крестьянской психологии»¹; о роли большевиков в разжигании жестокостей партизанщины справедливо писал С. П. Мельгунов². М. Н. Тухачевский в статье «Борьба с контрреволюционными восстаниями» откровенно отмечал, что и красные партизаны, и антибольшевистские повстанцы являются «живой составной частью местного крестьянства», из-за чего Красной армии «борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»³.

Представляют значительный интерес и мнения советских исследователей, писавших в 1920-х годах⁴. Один из них откровенно признал, что именно «враждебное отношение» крестьянства к большевистской политике вынудило коммунистическую власть прибегнуть к карательным мерам⁵. Другой автор в 1930 году осмелился написать, что партизанщина своими насилиями над аборигенным населением привела к превращению Гражданской войны в Ойротии (Горном Алтае) из классовой в национальную⁶. Охранители эпохи застоя осудительно отмечали, что в историографии начала 1960-х годов «были сильно преувеличены достижения литературы 20-х годов

¹ Колосов Е. Крестьянское движение при Колчаке // Былое. 1922. № 20. С. 261. На первобытные черты психологии русского крестьянина указывает и американский историк (Лайнс Р. Русская революция: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 333).

² Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 2.

³ Родина. 1989. № 10. С. 52, 53.

⁴ Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией / Под ред. И. Н. Смирнова и др. М.; Л., 1926 — и др.

⁵ Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. № 1. С. 44.

⁶ Мамет Л. П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 97.

о гражданской войне, имело место только негативное отношение к тому, что было создано учеными на втором этапе развития историко-партийной науки»¹, т. е. во второй половине 1930-х — первой половине 1950-х годов.

Между тем с середины 30-х годов советская историография предпочитала обходить или подвергать сомнению многочисленные ранее опубликованные факты, которые не соответствовали официальной точке зрения на красных партизан, рисуемых в качестве сознательных большевиков и только с героической стороны. Пределы дискуссионного поля постоянно сужались, а неортодоксальные оценки тех или иных явлений предавались забвению. Но и те, кто готов был критиковать уже сложившиеся мифы, делали это необязательно ради любви к истине. Так, старая неприязнь к крестьянству заставила М. Горького быть в первых рядах критиков партизанщины. При обсуждении в 1931 году концепции многотомной «Истории гражданской войны» у Горького особую тревогу вызывало преувеличенное «представление роли крестьянства, составившего основу партизанского движения, особенно в Сибири, но остававшегося далеким от пролетарских ценностей революции»². Горький беспокоился, что в беллетристике «...литераторы слишком много внимания уделяли партизанскому движению в крестьянстве... слишком густо в различных произведениях была подчеркнута роль личности... Получалось что: высказывают разные щетинины³ и пр., они побеждали, и революция победила их силою. Все это было: щетинины боролись, но одно дело бороться за корову, другое дело за социализм. ...По Сибири особенно много внимания нужно уделить партизанскому движению, потому что бесспорно — там оно играло весьма значительную роль... Тут нужно последовательно проследить сходство и различие, настроение, идеи партизанских отрядов, указать на переходы их от красных к белым и обратно — и т. д.»⁴

¹ Спирин Л. М., Литвин А. Л. На защите революции: В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны (Историографический очерк). Л., 1985. С. 47.

² Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / Ред. и сост. Д. С. Московская. М., 2018. С. 28.

³ Имеется в виду сибирский партизан П. Е. Щетинкин.

⁴ Историография Гражданской войны в России. С. 34, 35.

К. Е. Ворошилов тогда же отмечал, что партизанщина была опасна тем, что составили ее и «...те элементы, которые в процессе борьбы <...> от революции отходили к контрреволюции. <...> Возьмите, например, муравьевщину, Думенко и целый ряд других „деловых людей“, „своих людей“, которых нам пришлось потом расстреливать. Какие социальные условия, какие события эту публику вынуждали от нас уходить?»¹ Но предложения Горького и Ворошилова противоречили складывавшемуся на их глазах ортодоксальному канону, нивелировавшему сложности революции, и реализованы не были, а попытки оспорить его подвергались организованным нападкам даже в период «оттепели», когда после XX съезда сложился модифицированный историографический канон, который действовал до конца 1980-х годов и опирался на методологические высказывания «старшего вождя» — Ленина — и восходящие к ним толкования истории со стороны вождя очередного.

Например, после выхода в 1962 году книги Н. Ильюхова и И. Самусенко «Партизанское движение в Приморье (1918–1922 гг.)» состоялась организованная академическим журналом дискуссия, в ходе которой авторам книги были предъявлены большей частью политизированные обвинения. Им поставили в упрек попытку доказать, что партизанское движение в Приморье имело самодовлеющий характер, было начато и продолжено крестьянскими массами под руководством группы беспартийных местных учителей, а большевики примкнули к нему позднее².

Известным партизанам-мемуаристам традиционно, но по обыкновению мягко ставили в вину недооценку роли большевиков. В рецензии на воспоминания П. Е. Щетинкина видный сибирский партиец Д. К. Чудинов в качестве недостатка отмечал, что единственным мотивом ухода в леса и формирования боевых отрядов были, согласно Щетинкину, не сознательность партизан, а только репрессии белой контрразведки и военных отрядов в отношении крестьян (дезертиров и укрывателей оружия. — А. Т.). Анализируя мемуары И. В. Громова (Мамонова)

¹ Там же. С. 41.

² *Седов К. И.* Дискуссия о некоторых вопросах истории партизанского движения на Дальнем Востоке в 1918–1922 годах // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 156–169.

и П. Е. Щетинкина 20-х годов, М. Е. Плотникова довольно показным образом удивлялась, что у знаменитых партизан нет ни слова о роли большевиков в создании партизанских отрядов и руководстве ими¹. В 1987 году В. И. Шишкин недоумевал, как обошли тему партийного руководства в своих мемуарах видные партизаны-большевики — И. Е. Громов-Амосов, И. В. Громов (Мамонов) и Н. Урманский². Между тем И. В. Громов и в рукописных материалах избегал подробностей о своих соратниках, кратко указывая, что это были уклонившиеся от мобилизации в армию беспартийные крестьяне-дезертиры. А начальник Главштаба армии Кравченко и Щетинкина А. Т. Иванов в мемуарах откровенно заявлял, что повстанческое «движение [среди крестьян Енисейской губернии] произошло стихийно, беспрограммно, экспромтно»³.

Настороженно-нигилистическое отношение к литературе 1920-х — первой половины 1930-х годов у большинства историков сохранялось до конца советской эпохи. Даже в 1983 году официальным автором давалась сугубо положительная оценка пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)», закрепившего «торжество марксистско-ленинской историографии над эсеровско-троцкистской и буржуазно-националистической»⁴. Крайнее негодование у ортодоксов вызывали «насквозь антимарксистские»⁵ работы о сибирской партизанщине троцкиста В. Б. Эльцина⁶.

¹ Сибирские огни. Новосибирск, 1930. № 3. С. 131; Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974. С. 190–191.

² Шишкин В. И. Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 20 — начала 30-х гг. // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1987. С. 66–67.

³ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. Красноярск, 2021. С. 357.

⁴ Павлов Я. С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983. С. 50.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны. С. 261–280; Он же. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 5–49; № 3. С. 51–82.

Историками до самого конца советской эпохи не критически оценивались даваемые партизанами цифры боевых потерь со стороны противника, сильно преувеличивались масштабы ответного белого террора. Даже в наиболее основательных трудах предельно кратко и очень выборочно упоминались эксцессы, связанные с жестокими партизанскими чистками и грабежами захваченных населенных пунктов; при этом утверждалось, что подобные негативные стороны проявлялись якобы лишь в небольшой части отрядов, пораженных анархистско-эсеровскими тенденциями и оставшихся без благотворного влияния коммунистов¹. По мнению М. Е. Плотниковой, партизанское движение в Сибири не только не дало примеров массовой махновщины, а, напротив, «в своем подавляющем большинстве с самого начала проходило на четко выраженной советской позиции, под преобладающим влиянием большевиков»².

Недостаточно прорабатывался биографический аспект. Например, в дальневосточной литературе 60–70-х годов повторялось мнение, что член ВЦИК З. Ф. Кулинич-Присяжнюк (убитый в Якутии в ноябре 1918 года³) погиб в начале 1919-го в ходе восстания в Амурской области⁴, а бывший руководитель барнаульской Красной гвардии В. И. Устинович (расстрелянный советским трибуналом за изнасилование и убийство⁵) считался героически погибшим от рук белых⁶. Особенно тщательно скрывалось уголовное прошлое многих партизанских командиров.

---

¹ *Кадейкин А. В.* Сибирь непокоренная. Большевицское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968. С. 442–445; *Шишкин В. И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1978.

² *Плотникова М. Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири. С. 184.

³ *Познанский В.* Трагедия на Олёкме // Сибирские огни. Новосибирск, 1968. № 11. С. 143.

⁴ Красный остров. Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре (1918–1922 гг.). Благовещенск, 1967. С. 340–341; *Агеев А. В.* Амурские партизаны. Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1920 гг.). Благовещенск, 1974. С. 21, 23, 24, 39, 76.

⁵ О его судьбе будет рассказано ниже.

⁶ *Павлова И. В.* Красная гвардия в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 261.

Очень поверхностно исследователи касались взаимоотношений партизанских лидеров (а они были зачастую крайне конфликтны), бытовой составляющей жизни партизан, их противоречивых контактов с остальным населением, в том числе аборигенным, реакции на большевистские порядки, судеб видных партизан, не всегда находивших свое место в мирной жизни и очень рано ставших одной из мишеней чекистского террора.

В течение всего советского периода историками недостаточно использовались документы антибольшевистских властей, сообщения белой прессы, очень аккуратно цитировались партизанские мемуары, особенно те, в которых бесхитростно и откровенно сообщалось о многочисленных и нередко садистских расправах над безоружными людьми (пленными, мирными жителями), а также упоминались многочисленные факты пьянства, мародерства и насилия. Совершенно не оценивался демографический, моральный и материальный ущерб от партизанщины, ее негативное воздействие на взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока.

Подобное игнорирование важнейших обстоятельств не позволяло написать объективную историю краснопартизанского движения восточной части страны. Хотя периодически появлялись отдельные неортодоксальные статьи специалистов по истории партизанщины, противостоявшие казенной линии¹. В годы перестройки вышла хорошо фундированная книга барнаульского краеведа В. Ф. Гришаева об алтайском партизанском вожде Ефиме Мамонтове, где, на фоне традиционного восхищения повстанцами, впервые громко прозвучали критические ноты в отношении партизанских бесчинств, амбиций командиров, указывалось на репрессии в отношении многих видных партизан².

Партизаны поныне остаются самыми мифологизированными участниками гражданского противостояния. Характерно, что с крушением коммунистического режима Гражданская война

---

¹ Шишкин В. И. Из истории борьбы коммунистической партии и советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919–1920 гг. // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1978. С. 3–38.

² Гришаев В. Ф. Сыны Алтая и Отечества. Барнаул, 1989. Кн. 3: Ефим Мамонтов.

не стала историей в полном смысле этого слова, ибо общественное примирение не наступило и поныне; разность идейных потенциалов многих исследователей и публицистов чаще выливается в полемическое «искрение», а не в создание цепочек взвешенных суждений. Очевидно, что не является чисто академической проблемой и история красного террора во всех его ипостасях — таких, как партизанщина, насилие со стороны частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), внутренних войск, частей особого назначения (ЧОН) и милиции, чекистские чистки, красный бандитизм. Однако значительная часть новейших работ до сих пор полностью игнорирует и сам феномен партизанщины (как в книге Г. А. Трукана, где правительству Колчака посвящена обстоятельная глава¹), и партизанское насилие к такой заметной части крестьянского населения, как казачество², несмотря на то что красный террор, переросший в геноцид, привел, например, к уничтожению до трех четвертей 175-тысячного уральского казачьего населения³.

Исследователь истории Дальневосточной республики В. В. Сонин в последнем издании своего труда по правовой истории ДВР продолжил игнорировать феномен партизанщины, пронизывавшей военно-политические и правоохранительные структуры этого квазигосударства⁴. Другие историки уверены в вечной правоте красных повстанцев, «которые прославили себя на алтайской земле»⁵, а панегиристы В. П. Шевелёва-Лубкова ставят его деятельность «в один ряд с заслугами Чапаева, Ворошилова, Будённого...»⁶, хотя тот командовал всего лишь несколькими

¹ Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

² См.: Каминский Ф. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001.

³ Дубовиков А. М. Уральское казачество в системе казачьих войск дореволюционной России // Отечественная история. 2005. № 1. С. 124.

⁴ Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). 2-е изд., испр., доп. Владивосток, 2011.

⁵ Гордон Э. В., Мезенцев Р. В. Подпольная большевистская печать на Алтае в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Мир Евразии. 2010. № 4 (11). С. 72.

⁶ Ищенко Н. А., Опарина Л. В. Василий Шевелёв-Лубков — георгиевский кавалер, партизанский командарм: Сб. воспоминаний и документальных материалов о Герое Гражданской войны В. П. Шевелёве-Лубкове. Новосибирск, 2014. С. 10.

десятками, а потом — сотнями партизан-мародеров в Томской губернии.

В постсоветской историографии партизанщина, как и многие другие, казалось бы, серьезно изученные темы, привлекает внимание ряда исследователей, которые, однако, пока не охватили всех открывающихся для изучения сторон этого феномена. Контрастом выглядит опережающее появление подробных исследований теневой стороны партизанского движения в годы Второй мировой войны¹. Сибирь и Дальний Восток были одной из главных арен партизанщины, в связи с чем изучение деструктивных действий и девиантной повседневности десятков тысяч повстанцев на этих территориях — актуальная научная проблема.

Разрушение советской мифологии следует начинать с критического переосмысления традиционной оценки, гласящей, что из примерно 400 тыс. партизан Гражданской войны около 140–150 тыс. приходилось на Сибирский регион² и 50 тыс. — на Дальневосточный. До сих пор, несмотря на критику еще С. П. Мельгуновым, исследователи доверяют П. С. Парфёнову, который в середине 20-х годов без указания на источники определял силы партизан уже к сентябрю 1919 года в немыслимые 120 тыс. человек³. Хотя в регионах было много отрядов, Парфёнов объединял партизан каждой губернии под именем какого-то конкретного вожака, непомерно преувеличивая и округляя численность их подразделений, которые к тому же резко выросли именно после сентября, к самому концу 1919 года. Похожие преувеличения допустили М. А. Гудошников и А. Г. Липкина⁴. В книге

¹ Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М., 2012; Спириденков В. А. Лесные солдаты: Партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944 гг. М., 2007.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 433. Следует отметить, что в период военных успехов наступления Колчака, то есть к лету 1919 года, численность сибирских партизан не превышала 10 тыс. Ларьков Н. С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 581.

³ Парфёнов П. С. [Пётр Алтайский]. Гражданская война в Сибири. 1918–1920 гг. М., 1924. С. 131.

⁴ Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. С. 144; Липкина А. Г. 1919 год в Сибири. М., 1962. С. 140, 142.

М. М. Шорникова утверждает, что к августу того же года партизанские армии насчитывали «не менее 140 тыс. бойцов»¹.

По мнению В. И. Шишкина, к концу 1919 — началу 1920 года только в крупных соединениях и отрядах Сибири было до 140–150 тыс. партизан. При этом он ссылается на оценки партийных властей Сибири начала 1920-х годов, целиком им доверяя² (очевидно влияние на Шишкина и цифр Парфёнова). Между тем есть мнения, критикующие советские источники: в новаторской книге И. С. Кузнецова³ отмечена дискуссионность обычно приводимых данных о численности партизан⁴. В последнее время ведущие специалисты по истории Гражданской войны в Сибири осторожно признают завышенность цифр, приводимых исследователями прошлых десятилетий, например Ю. Журовым, о наличии якобы 150 тыс. партизан, освободивших от белой власти районы с населением в 1,8 млн человек⁵. Между тем сведения Журова и его последователей, похоже, опираются на фантастические данные бежавшего от белых члена Центросибири В. Д. Виленского-Сибирякова о том, что в крестьянских восстаниях на территории Сибири приняли участие до 2 млн человек. Виленский-Сибиряков, вероятно, обобщил пропагандистские материалы «Правды» и других советских газет, выведя также широко используемые поныне цифры белого террора — о якобы 40 тыс. убитых белыми и 80 тыс. арестованных сибиряков к весне 1919 года⁶.

¹ Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. С. 33.

² Шишкин В. И. Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной армией (декабрь 1919 — апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1986. С. 81.

³ См.: Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

⁴ БСЭ. 1-е изд. Т. 39. С. 162, 163; Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959. С. 22; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 51; Павлов Я. С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев. С. 427–428.

⁵ Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. научных статей. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 76.

⁶ Сибиряков Вл. Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам. М.; Пг., 1919. С. 3–30.

В одной из своих предыдущих работ автор счел возможным значительно, в полтора раза, сократить обычно приводимую цифру в 140–150 тыс. сибирских партизан¹, поскольку она опирается на некритически воспринимаемые данные, полученные от самих партизанских вожаков. Цифры, опирающиеся на достоверную статистику партизанского штаба, позволяют существенно уменьшить объявленную когда-то численность и Западно-Сибирской крестьянской красной армии Е. М. Мамонтова и И. В. Громова (30 тыс. вместо 50 тыс.)². То же касается и армии А. Д. Кравченко, и других крупных частей. Так, численность 1-й Томской партизанской дивизии, возглавляемой В. П. Шевелёвым-Лубковым, с прежних 18 тыс.³ еще в советское время сократилась до 1 тыс.⁴ Поэтому количество сибирских партизан накануне краха колчаковской власти было, вероятно, не более 70–80 тыс. человек. По мнению современного исследователя, количество партизан Дальнего Востока на конец января 1920 года было втрое меньше традиционно приводимой численности в 50 тыс. человек — не более 17 тыс., из которых более четверти являлись бывшими колчаковскими солдатами и казаками, перешедшими на сторону партизан недавно, в декабре и январе⁵. Отсюда следует, что

¹ *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 35.

² *Шишкин В. И.* Западно-Сибирская крестьянская красная армия // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 580. В середине 30-х И. В. Громов принимал максимальную численность своей армии в 30 тыс. (см.: Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг.: Сб. документов. Новосибирск, 1936. С. 14). Однако четверть века спустя во втором издании документального сборника утверждалось, что в армии Мамонтова-Громова было 50 тыс. бойцов (см.: Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Новосибирск, 1959. С. 22).

³ А. Н. Геласимова в ранних мемуарах говорила о 10 тыс., в книге — о 18 тыс. (см.: Государственный архив Новосибирской области [далее — ГАНО]. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 42; *Геласимова А. Н.* Записки подпольщицы. М., 1967).

⁴ *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. С. 213–215. По публичному заявлению Г. Х. Эйхе, пресловутая «армия трех уездов» Шевелёва-Лубкова насчитывала шесть плохо вооруженных рот (см.: Партизанское и повстанческое движение в Причумышье, 1918–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. Г. Н. Безрукова. Барнаул, 1999. С. 20).

⁵ *Тарасов Ю. А.* Антиколчаковское партизанское движение в Приморье (1919–1920 гг.): проблемные вопросы, гипотезы, решения, выводы. Саарбрюкен, 2012. С. 262.

логична корректировка и принятой общероссийской численности красных партизан — не 400 тыс., а в пределах 200–250 тыс., к тому же учитывая большую разницу (как и в РККА) между списочным и боевым составами.

До сих пор новые факты и оценки, касающиеся партизанщины, появляются в основном в статьях, а крупных работ немного, причем заметная их часть, особенно краеведческая, давая подчас ценную фактуру, зависима от штампов советской историографии. Так, возражая мнению журналиста «Барабинской степи», который сожалел об отвлечении с фронта трех белых батальонов для подавления восстания, С. П. Звягин удивлялся «логике автора, который ставит интересы победы Колчака на фронте выше тех конкретных местных проблем, которые пытались решить своими силами крестьяне»¹. По мнению В. И. Шишкина, отряд известного красного бандита М. Х. Первалова после изгнания Колчака превратился «из орудия борьбы против контрреволюции и [из орудия] защиты трудящихся... в рассадник бандитизма, стал дискредитировать Советскую власть»². А. Н. Никитин сделал вывод о том, что повстанческо-партизанское движение было вызвано в основном «антинародной внутренней политикой» белых, хотя большую роль сыграла и деятельность социалистических партий³. Историки избегали, как и ранее, упоминаний о том, что таких лидеров, как Н. А. Каландаришвили и П. Е. Щетинкин, командование наступавшей на Читту 5-й армии еще в начале 1920 года обвиняло в подрыве советской власти, а также в том, что откровенно криминогенная обстановка в рядах участников восточносибирской герильи угрожала мирному населению⁴.

¹ Сибирь в период гражданской войны: Учебное пособие. Кемерово, 1995. С. 91.

² Шишкин В. И. Шарыповское дело (К истории красного бандитизма в Сибири) // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 158.

³ Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (Источниковедческие и историографические аспекты изучения). Томск, 1994. С. 91.

⁴ Исходников Д. Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 19.